

Вальтер Шубарт

ЕВРОПА И ДУША ВОСТОКА

УДК 001.5
ББК 87.3
Ш95

Шубарт, В.

Ш95 Европа и душа Востока / В. Шубарт. – М. : T8RUGRAM, 2017. – 370 с.

ISBN 978-5-521-78709-8

В книге “Европа и душа Востока” немецкий философ Вальтер Шубарт предсказывает катастрофу западной цивилизации и считает, что нового пробуждения и обновления следует ждать с Востока, из России – страны, богатой духовными традициями. Автор не просто пророчит расцвет славяно-русской культуре – он категорически заявляет, что европейская цивилизация исчерпала себя, а следующей эпохой станет эпоха славян.

Эта книга уникальна среди работ западных мыслителей: в Европе нет другого труда о России, сравнимого с книгой Шубарта по искренней симпатии к русскому народу и культуре.

УДК 001.5
ББК 87.3
BIC HPS
BISAC PHI000000

ISBN 978-5-521-78709-8 © T8RUGRAM, оформление, 2017

*Посвящаю
моей жене и товарищу
Вере Марковне Шубарт*

ВВЕДЕНИЕ

В основу этой книги положено мое единственное и сильнейшее переживание - осмысление противоположности между человеком Запада и человеком Востока. Это осмысление пронизано предчувствием не гибели, а обновления жизни. Оно навеяно не опасностью, нависшей над Западом, а пробуждением Востока. И возникло оно, как географически, так и духовно, не внутри романо-германских народов, - а в точке¹, из которой можно было бросить взгляд на Запад как нечто целостное.

Главная моя цель - писать не о России, а о Европе, однако о Европе, увиденной с Востока. При этом важно не столько констатировать события прошлого, сколько отразить становление грядущего. Ведь цель живой мысли - это всегда соучастие в созидании необходимого будущего. А это будущее - всемирная борьба между Западом и Востоком, примирение между ними и зарождение всемирной западно-восточной культуры новой эпохи, носителем которой будет иоанновский человек.

На свете всегда будут существовать немногие люди, устроенные так, что именно через них, возможно преждевременно, в мире появляется новый элемент духа. К этим немногим и обращена моя книга. В ней - призыв к солидарности лучших, которые открываются навстречу новому и одновременно спасают для него непреходящее из наследия своих отцов. Что было бы с человечеством без таких людей? О них, как правило, молчат в те годы, когда они живут. Зато им принадлежат столетия после ухода их из жизни.

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОБЛЕМА ЗАПАДА

РИТМИКА МИРОВОЙ ИСТОРИИ (УЧЕНИЕ ОБ ЭОНАХ)

Согласно закону эволюции, действие которого мы ощущаем, не будучи способны до конца его уяснить, духовные события совершаются в некоей ритмической последовательности. Пред взором, обращенным в прошлое человеческой истории, выделяются отдельные эпохи с ярко выраженными типическими чертами, определяющими духовный облик как всего общества, так и отдельных личностей. Эонические архетипы², изначальные душевные прообразы с резко очерченным характером, в вечной смене следуя один за другим, стремятся найти свое воплощение в живущем человеческом поколении. Развитие того или иного архетипа, его борьба против своих предшественников и преемников придает истории культуры ритм и, в известной мере, напряженность и противоречивость.

Действие эонического архетипа превосходит рамки наций и рас. Он может охватывать целые континенты. Трудно определить границы его проявления, но в сфере своего господства он пронизывает своим своеобразием все, вплоть до последнего индивида, не лишая его при этом нравственной свободы. Отдельная личность вынуждена ориентироваться на этот архетип: она может либо воплотить его, либо воспротивиться ему, но не может его игнорировать. Она вынуждена его признать. Ведь и сопротивление есть форма признания. Эонический архетип ставит великие проблемы эпохи. Он заставляет звучать доминанту, относительно которой отдельные личности в виде контрапункта ведут партию высокого голоса. Он определяет широкие духовные рамки, в которых индивидуумы, с их частными желаниями и целями, движутся в меру своей нравственной свободы.

Всякий раз, когда человечество оплодотворяется новым архетипом, повторяется начальный процесс созидания и культуру охватывает кипучее ощущение молодости. Только тогда кажется найденным смысл бытия. Все существовавшее ранее осмеивается, разрушается, отбрасывается как изжившее себя. Начинается "новое время". Но и оно постепенно стареет, уступая место более новому. Видимо, за этой сменой ионических архетипов скрывается какой-то непостижимый закон, согласно которому божественные силы вливаются в материальный мир и вновь покидают его. Об этой закономерности мы можем лишь догадываться, до конца уяснить ее нам не дано. О ней можно говорить лишь иносказательно или молчать.

Учение об эонах, которое я здесь развиваю, имеет своими истоками древнейшую сокровищницу человеческого духа: буддийское учение о кальпах³, учение о четырех возрастах мира у персов⁴ и иудеев (Книга пророка Даниила⁵), древние саги индусов и мексиканцев о вечной смене крушения и обновления мира. Эмпедокл⁶ высказывал ту же мысль следующим образом: «Мир находится в вечном колебании от ненависти к любви и от любви к ненависти. Всегда бывают целые эпохи борьбы и ненависти, и также неизменно, как времена года, на смену им приходит новый расцвет более светлых времен». У Гераклита⁷ эта мысль скрыта в следующем физическом определении: «Периодически происходит смена воды огнем и огня водой». С точки зрения естественных наук эту формулировку признать нельзя, но с точки зрения метафизики тут есть доля истины. Она становится очевиднее, если сделать ударение не на элементах, которые, якобы, сменяют друг друга, а на самом понятии «смена». Гераклит хотел этим сказать о ритмичности мировых событий, о том, что было для него очевидным. Но, когда он пытался облечь эту мысль в слова, он выражался неясно и говорил о воде и огне. — Во времена Средневековья и в последующую за ним нехристианскую эпоху воззрение на ритмичность мира было, хотя и по разным причинам, забыто. Средневековье, с его преобладающим чувством успокоенности, было слишком статично, Новое время с его волей к власти - слишком одержимо стремлением к прогрессу, чтобы увидеть в истории волнообразность движения - это вечное вверх и вниз. И все же мысль о

ритмичности происходящего не совсем угасла. Ее можно найти у Гете⁸, который усматривал в мировых процессах систолы и диастолы подобно биению некоего мирового сердца. Ее можно найти в учении Ницше⁹ о вечном возвращении и в теории Шпенглера¹⁰ о типах культуры. Ощущение эонов присутствует и в таких выражениях, как "дух времени", "дух эпохи"; в таких терминах, как готика, барокко, рококо, которые, правда, лишь в частной области культуры отражают своеобразие нескольких поколений независимо от границ отдельных народов. Наконец, слово "современник" достаточно красноречиво говорит о том, что жизнь в одном и том же эоне представляет собой не просто малозначительное совпадение по времени, а единение людей во времени, общность их судьбы, что имеет, по меньшей мере, то же значение, что и принадлежность к одной нации.

Персы и иудеи с верной интуицией ограничивали число мировых эпох четырьмя. Действительно, имеются *четыре архетипа*, которые сменяют друг друга и в зависимости от своего доминирования создают гармоничного, героического, аскетического и мессианского человека. Они отличаются друг от друга той жизненной установкой, которую люди принимают по отношению ко Вселенной. *Гармоничный человек* воспринимает Вселенную как космос, одушевленный внутренней гармонией и не подлежащий человеческому управлению или упорядочению, а долженствующий быть лишь созерцаемым и любимым. Здесь нет и мысли об эволюции, а лишь полный покой - мир достиг своей цели. Так чувствовали гомеровские греки, китайцы эпохи Кун-цзы¹¹, христиане времен готики. *Героический человек* видит в мире хаос, который он-то и должен упорядочить своей преобразующей силой. Здесь все в движении. Миру ставятся цели, определяемые самим человеком. Так чувствуют древний Рим, романские и германские народы Нового времени. *Аскетический человек* переносит бытие как заблуждение, от которого он пытается скрыться в мистической сути вещей. Он покидает этот мир без надежды и без желания улучшить его. Так чувствуют индусы и греки-неоплатоники. Наконец, *мессианский*¹² человек чувствует себя призванным создать на земле более возвышенный, божественный порядок, образ которого он скрыто носит в себе. Он стремится создать вокруг себя ту гармонию, которую

чувствует в себе. Так чувствуют первые христиане и большинство славян. Эти четыре архетипа можно определить следующими ключевыми положениями: согласие с миром, господство над миром, бегство от мира и освящение мира. — Гармоничный человек живет в мире и со всем миром, связанный с ним в одно целое. Аскетический человек отвергается от мира. Героический и мессианский вступают с ним в противоборство. Первый - из желания полноты своей власти, второй - во имя и по воле Бога. Гармоничный и аскетичный человек - статичны, два других - динамичны. Гармоничный человек считает замысел истории исполненным, аскетический - исключает даже возможность когда-либо увидеть это исполнение. Оба они не предъявляют своему времени никаких требований. В противоположность этому, героический человек и мессианский хотя и видят мир иным, чем тот, который им представляется. Это волнует их и понуждает к напряжению всех сил. Поэтому их эпохи активнее и динамичнее других. — Картины мира у гармоничного и мессианского человека родственны между собой. Однако то, что первый воспринимает как данность, другой видит лишь как дальнюю цель. Для обоих, однако, мир - как возлюбленная, которой они отдаются, чтобы соединиться с нею. В отличие от них, героический человек смотрит на мир как на рабыню, которую он попирает ногой; аскетический же человек - как на искушительницу, которой следует избегать. Героический человек не взывает смиренно к небу, а полный жажды власти, злыми, враждебными глазами смотрит вниз, на землю. По самому существу своему он все дальше и дальше удаляется от Бога, все глубже и глубже уходит в материальный мир. Секуляризация - его судьба; героизм - его жизнеощущение; трагизм - его конец. — Мессианского человека вдохновляет не воля к власти, а настроенность к примирению противоречий и к любви. Он не разделяет, чтобы властвовать, а стремится к соединению разобщенного. Им движет не чувство подозрения и ненависти, а чувство глубокого доверия к сущности вещей. Он видит в людях не врагов, а братьев; в мире - не добычу, на которую надо набрасываться, а хрупкую материю, которую надо спасти и освятить. Им движет чувство некоей космической взволнованности. Он исходит из ощущения целостности, которую он носит в себе и которую пытается восстановить в окружающем расколоте мире. Его не

покидает тоска по всеобъемлющему и стремление сделать его осязаемым.

Кто смотрит на историю именно так, как на ритмичный процесс сменяющихся в ней архетипов и их земных воплощений, тот избегает соблазна относить смысл и цель мира к далекому конечному будущему. Ему нет нужды выдавать вексель на это неопределенное будущее. Для него, как для Ранке¹³, все времена «равны перед Богом», даже - героические, которые и знать не хотят о Боге. Каждый эон несет в себе смысл мира. Подобно паузе в мелодии, и безбожные эпохи имеют в космическом ритме свою функцию: лишь на фоне темных зон светлые выступают во всей своей сияющей полноте. Только так для Божества возможно открывать себя человеческому роду. Привыкшие к свету, пресыщенные им глаза вряд ли узрели бы Божественное. Сумерки же обостряют зрение и побуждают искать свет.

История представляет собой наиболее захватывающую картину как раз в тот момент, когда одна эпоха меркнет, а за ней начинают проступать очертания новой; когда линия ритмической волны меняет свое направление; когда волна, достигнув низшей точки, прекращает движение вниз и начинает подъем на новый гребень. Это - не что иное как *междувременье*, апокалипсические моменты в жизни человечества. С ними приходит ощущение разрыва со всем прежним, хотя на самом деле происходит лишь вытеснение старого архетипа новым. Но переживание контраста между сегодня и вчера столь сильно, что человек смотрит на происходящее, повторявшееся и прежде бесчисленное множество раз, как на исключительный случай истории. Так появляются учения о делении истории на две части, особенно это свойственно религиям; их зарождение - это, как правило, прелюдия к целой эпохе. При этом на прошлое смотрят как на ошибку, в лучшем случае как на начало процесса, а в будущем ищут смысла и оправдания, в том числе и прошлого.

К такому междувременью относится XX век. Уже в течение десятилетий те немногие, коим доступно виденье дальних перспектив общего развития, сходятся в том, что на наших глазах что-то движется к концу. По Мережковскому¹⁴ - это постатлантическое человечество; по Унамуно¹⁵ - христианство; по Шпенглеру - тысячелетняя

культура Запада; по Бердяеву¹⁶ - эпоха Ренессанса; по Фриду¹⁷ - капитализм. Это не просто отзвук настроений "сумерек века", которые, как считают некоторые поверхностные умы, свойственны исходу каждого столетия, - как будто внутренний ритм истории определяется датами, произвольно надуманными человеком.

Мы живем в переходное время, и это делает его столь же подвижным, сколь и противоречивым. Наше время преисполнено не только пессимизма, но и надежд. Над ним в одинаковой мере парит и роковое предопределение, и обетование. Мы переживаем несколько десятилетий мощных потрясений между угасающей и нарождающейся эпохами. Таким образом, на наших глазах умирает не раса и не культура - умирает эпоха.

В последнее тысячелетие на европейской почве оставили свой след две эпохи: *готическая и прометеевская*. Готическая, возникшая из духовных потрясений XI века, продолжалась вплоть до XVI века и была воплощением архетипа гармонического человека. (Чтобы быть правильно понятым, подчеркиваю, что понятие "готическая" я не ограничиваю ни пространством германской расы, ни сферой влияния художественного стиля - готики). Насквозь пронизанный ощущением вечности, готический человек обращал свой доверчивый взор вверх. Все молитвеннее тянулись вверх его храмы, и забывалась им юдоль земная. Готический человек заботился только о спасении души, об обращении к Богу и упокоении в лоне Его благодати. Однако между 1450 и 1550 годами происходит мощный поворот - переход в прометеевскую эпоху, отмеченную знаком героического архетипа. Новый человек обращает свой взор к земле, заглядывая в *дали* дальние вокруг всего земного шара, а уже не в *выси* безмерные. Лишь в результате этого начинаются физические и географические открытия, и речь уже идет не о спасении души, а об овладении миром. Новый человек жаждет быть господином земли и поэтому хочет быть без Бога. Я называю его прометеевским человеком по имени гордого титана, восставшего против богов, коварного владыки сил природы, провидящего (προ-μῆθεω)¹⁸, возжелавшего создать мир по своему плану. Прошло 500 лет; и опять мы на пороге новой эпохи. Сегодня над прометеевской культурой нависли черные тучи рока, из которых вот-вот поразят ее смертельные молнии. Европа идет к